

Преодолѣніе трех соблазнов

Об одном старцѣ

Не так давно нѣкій паренек Козьма К., «нансеновскій гражданин из безпризорников духовнаго сословія», говорил мнѣ:

— В Россіи народ больше от правдобѣса страдает, а на вас тут больше чистобѣс и святобѣс верхом ѣздят.

Об этом паренькѣ придется рассказать особо в другом мѣстѣ. И лишь в подробном разказѣ можно раскрыть, как могли такія выраженія войти в язык молодого человѣка, какой обширный они имѣют смысл, и почему неудовлетворительными стали казаться старыя слова: «чистоплюйство», «пустосвятство», а понадобились новыя, активизированныя: «чистобѣсіе», «святобѣсіе». Но узкую суть явленій, обличаемых этими новыми словами, не столь уж трудно понять и без обширнаго описанія. Все-таки для большей ясности отмѣчу вкратцѣ: паренек Козьма К. не сам придумал новыя слова, — сказал их ему один «калужскій старец», впоследствии разстрѣлянный «большевиками «за его праведную жизнь».

По ученію этого старца, — как передает его ученик Козьма, — самый безупречный праведник должен наравнѣ с самыми послѣдними грѣшниками говорить не только о себѣ, но и о дѣлах своих:

— «Се бо в беззаконіях зачат есмь и во грѣсѣх роди мя мати моя».

Ибо так установлено искони, — чтобы свѣтъ создавался из тьмы бездной и во тьмѣ свѣтил, и чтобы правду дѣлали люди из неправды и в неправдѣ, и чтобы чистота раждалась из грязи, а святость — из грѣха и в грѣхѣ. Само цѣломудріе «творится в желанном стыдѣ». И только так рожденное, оно — заслуга. А у безплотных оно не заслуга. «И мерину не чѣм хвалиться, — это у него не от своего духа, а от коновала»...

Проповѣдь старца, собиравшаго и поучавшаго безпризорников, простецкая. Тѣм легче ее понять.

Правдობѣсіе

В осеннем — н. г. — парижском докладѣ Ф. И. Данъ высказывал, между прочим, такую мысль:

— Как бы ни был угнетен нынѣ русскій народ, но в нем велика и остра жажда социальной правды...

Над формой, в какой Ф. И. Данъ облек эту мысль, иные посмѣялись. Суть же вѣрна: многое с народом и в народѣ случилось, но жажда социальной правды, сокрытой в «проклятых вопросах» неравенства и угнетенія, осталась, — как осталась, добавлю от себя, и жажда вѣчной, боговой правды, за которой ходили — и продолжают ходить — «на Китеж». Эти духовныя историческія пріобрѣтенія прочнѣе московскаго храма Христа Спасителя, нерушимѣ Иверской часовни.

Стремленіе к социальной правдѣ вошло в механизм революціи, как одна из основных пружин. Но вошло, пожалуй, не положительною силою любви к справедливости, а отрицательной силою ненависти к эксплуатаци, обусловленной преимуществами одних людей над другими. «Святая ненависть» требовала и продолжает требовать, чтобы социальное равенство не нарушалось ни накопленными преимуществами богатства, ни природными превосходствами дарованій, физической силы, даже пола, даже возраста, даже удачливости или счастливости...

Жажда вѣчной, боговой правды не только на Китеж посылает, — она вѣдь зажигала и костры Торквемады («дьяволово искушеніе», как опредѣлил Достоевскій). Вот такое же искушеніе постигло и «святую ненависть» к угнетенію. Пришел нѣкто и сказал:

— Чтоб не было эксплуатации, надо просто уничтожать тѣх, кто «социально опасен» своим пріобрѣтенным или врожденным превосходством.

Именно по этому «простому» способу и ведется построеніе социальной справедливости. 14 лѣтъ уничтожают людей за имущественное превосходство. Уничтожают за образовательное превосходство. Уничтожают за обладаніе талантом личной обаятельности, за способность пріобрѣтать «неофициальный» авторитет. Уничтожают за трудовое и хозяйственное превосходство

(к чему и сводится «ликвидация кулаков, как класса») ... Это и есть то, о чем говорил калужский старец:

— Святая жажда социальной правды превращена в безумие правдобѣсія.

Припоминая «толпу семнадцатого года» — с горящими ненавистью глазами и с криками: попили нашей кровушки! — многие до сих пор склонны говорить:

— Ну, что вы хотите? Дикари, охлос, хамы...

Но вот, казалось бы, не дикарь, не хам, Б. Шоу восторженно восхваляет построение социальной правды посредством убийств за превосходство. Еще убедительный пример О. Бауэра: вождь австрийского социализма, хотя и не восхваляет, но все же признает московский метод убийств цѣлесообразным... Очевидно, правдобѣс не из мелких черт для простонародья. Он, подобно дьяволу Достоевского, — нечистая сила планетарного размаха, с претензиями на всемирно-историческую значительность.

И в России он не только повелевает убивать, но и создал знаменательные разрывы настроений. Не все старые «борцы за социальную правду» перебиты. Физически многие еще цѣлы. Но морально они подавлены успехами правдобѣсія. Давние участники социалистических движений, теперь они либо сожгли в себя то, чему поклонялись, либо боятся даже напоминаний о проклятых вопросах, — как бы по Тютчеву: «Бурь заснувших не буди, — под ними хаос шевелится»... Пафосом социальной правды одержима, оказывается, по преимуществу молодежь. Но эта молодежь не знает о гуманитарных способах построения справедливости, имѣет представление о них лишь по наслышкѣ. Соблазны правдобѣсія она должна как-то преодолевать своими силами...

Есть ли желание преодолѣть? И по изустным рассказам и по советской печати, мы знаем о появлении комсомольцев-крестonosцев: бросают комсомольство и с крестом на груди уходят проповѣдовать «братолюбие по Евангелію». Появились отшельники, праведники, «проповѣдники любви», — даже из бывших чекистов. Появились, оказывается, и «старцы», которые обличают правдобѣсіе по существу и зовут к реалистическому построению «правды из неправды и в неправдѣ». Сама

власть в Москвѣ от поравненій револьверами перешла к «установкам» на превосходные трудовые таланты и даже назначает этим талантам превосходное вознагражденіе. Конечно, с огоркой:

— Частное накопленіе не допускается, всякій уклон к буржуазному неравенству будет уничтожаться...

Правдобѣс еще царствует. Но это, явно, не то царство, которому не будет конца. И соблазны этого владыки страна, видимо, преодолевает, — по крайней мѣрѣ, стремится преодолѣть.

Говорят: в русскую революцію вошло многое от крѣпостничества, и в ней особенно приспособленными оказались духовныя дѣти Салтычихи и Манилова, — от матери они унаслѣдовали садизм средств, от отца — фантазерство намѣреній. По скольку эти метафоры чему-то соотвѣтствуют, по стольку можно сказать: страна, несомнѣнно, движется к преодолѣнію прискорбной наслѣдственности, — и той, которая от Салтычихи, и той, которая от Манилова.

Чистобѣсіе

Есть другая безспорная пружина в механизмѣ революціи:
— Мы — народ... Наше право... Наша власть...

К этой мысли — или, если хотите, к этой страсти — диктатура 14 лѣтъ приспособляется посредством комедій выборов, съѣздов, митингов, голосованій... Почему-то из явственнаго предрасположенія к народовластію, получается не демократія, а демагогія. Почему?

Пишу и припоминаю горячіе московскіе споры в мартѣ 1917 года. Не говоря уже о максималистах, лѣвых с.-р. и прочих «экстремистах», даже такой сравнительно умѣренный народник, как Н. П. Огановскій, горячо и взволнованно доказывал:

— Власть народу — да! Но что есть народ? Родзянко и Рябушинскій — не народ! Народом можно считать только трудовые классы.

Задолго до 1917 года обыкновенный, так сказать, натуральный народ, каким его «Господь народил», представлялся

разным дѣятелям революціоннаго движенія недостойным демократической благодати. Но в мартовскіе дни 1917 года старыя идеологическіе споры на эту тему приобрѣли жгучую остроту дѣлового вопроса: тактически понадобился чистый народ, свободный от скверных примѣсей. И выходило даже у народников, и при том умѣренных:

— Скворцов-Степанов и Кускова — чистые и благодати достойные, а Родзянко, Коновалов, кн. Львов — нечистые и права на благодать должны быть лишены.

По теоріи же таких марксистов, как Скворцов-Степанов (говорю о московских спорах 1917 года), выходило еще крѣпче:

— Кускова, Огановскій и Керенскій на придачу — безспорно, нечистые, чисты же только пролетаріи и члены авангардной пролетарской партіи...

Словами паренька Козьмы, эти замѣчательныя теоріи можно опредѣлить так:

— Чистобѣс сѣл верхом и стал головы крутить...

И крутил он головы не только «героев», — крутил головы и «толпы». Докрутил до отѣны и народа, и власти народа, реалистическую демократію подмѣнил мечтательной трудократіей и добился, наконец, «рабоче-крестьянской»... Добился, но на этом не остановился.

В катехизисѣ («Азбукѣ») Бухарина чистыми были признаны только тѣ крестьяне, которые числятся в разрядѣ бѣдняков и батраков; сомнительными, лишь условно достойными благодати признавались еще середняки; всѣ остальные земледѣльцы объявлены были нечистыми. Потом катехизис Бухарина признали еретическим. Новую официальную «Азбуку» написал Керженцев, — и в ней уже все крестьянство признано нечистым, и бывшая «рабоче-крестьянская власть» объявлена «рабочей властью». В октябрѣ 1931 года и этот керженцевскій катехизис взят под сомнѣніе, и признано необходимым «вопрос пересмотрѣть с упором на коллективизацію». Не всѣ, оказывается, рабочіе чисты, — есть среди них и сомнительные. И не всѣ крестьяне нечисты, — «истинных колхозников» надо признать чистыми.

Не устает чистобѣс крутить головы. И уже немного ему осталось, чтобы докрутить до 360 градусов, и подвести к за-

ключительному выводу:

— Чисты только тѣ, кого признает таковыми политической сыск.

Логически это равносильно перерожденію остраго социального вопроса в вопрос ритуальный. С точки зрѣнія самаго послѣдовательнаго чистобѣсія, оказывается, нѣтъ чистых классов и чистаго народа. Всѣ одинаково грѣшны или нечисты. Есть обыкновенные натуральные классы и обыкновенный натуральный народ... Официальная мысль приблизилась к логическому отрицанію своих исходных предпосылок. И движется она в эту сторону не случайно и не самотеком.

Отмѣнѣ «Азбуки» Бухарина предшествовала напряженнѣйшая борьба крестьянства против дѣленія на классы: «бѣдняки», «средняки», «кулаки». Появился многозначительный крестьянскій лозунг:

— «Не раздѣляйте нас, — мы всѣ равны».

Сомнѣнія в догматах «Азбуки» Керженцева возникли среди стихійнаго пересмотра рабоче-крестьянских взаимоотношеній. «Мастеровщина» и «деревенщина» не только физически перемѣшались, но и психологически породнились. Возник новый рабоче-крестьянскій лозунг:

— Раздѣлять нечего, — «мы всѣ теперь пролетаріи».

В народном сознаніи искомая эгалитарность пріобрѣтает значеніе не только права, но и обязанности отречься от соблазна преимуществ, которыя предоставляет начальство с цѣлью раздѣлить, разбить единство.

Совсѣм на днях мнѣ пришлось бесѣдовать с человеком, убѣжавшим из СССР. Рѣчь зашла о довольно извѣстной теоріи «спасенія революціи», развитой русско-берлинскими марксистами. Согласно этой теоріи, революція обязательно погибнет, выродится в бонапартизм, если крестьянство самостоятельно пробѣет дорогу к власти, и может быть спасена лишь в том случаѣ, если пролетаріат, и не всякій вообще, а настоящій, социал-демократическій пролетаріат предварительно утвердит свою гегемонію и станет во главѣ движенія. Мой собесѣдник — он был связан с совѣтской заводской жизнью — охарактеризовал берлинскую теорію жестокими словами и добавил:

— За такую агитацію теперь на заводъ могут и ребра пересчитать.

Показаніе свидѣтеля, конечно, нуждается в провѣркѣ. Но оно не противорѣчит свѣдѣніям из других — в том числѣ, и печатных — источников.

Святобѣсіе

Не столь замѣтна національная пружина в механизмѣ русской революціи. Сокрытію от поверхностнаго наблюденія много содѣйствовала хлынувшая в 1917 году из нѣдр струя глубинно-простонародных, издревле-мужицких мечтаній о безначальности. Это — мечтанія не о безчинствѣ, не о беспорядкѣ, а об избавленіи общества, «міра», от первороднаго, неизбывнаго грѣха власти, как основнаго препятствія на пути к истинной свободѣ и праведной жизни. Теорія мудреная, до сих пор не вполнѣ понятая, но именно из нея-то и выросли такія глубоко русскія фигуры, как Бакунин, Кропоткин, и, в особенности, Толстой.

Сокрытію національной пружины способствовали и побочныя обстоятельства. Комментаторы до сих пор стараются истолковать «крик солдатни семнадцатаго года»:

— Чаво там Расея! Мы — калуцкіе...

И они — комментаторы — клятвенно увѣряют:

— Сами своими ушами слышали, — вся солдатня кричала и отнюдь не саркастически, а буквально...

«Переворот октября» совершился под лозунгами, шедшими навстрѣчу жадѣ избавиться от первороднаго мірскаго грѣха:

— Захват власти для уничтоженія и власти и самого государства...

Многіе признаки позволяли считать революцію антипатріотическим, антинаціональным, антигосударственным бунтом. Но под властью, очевидно, антинаціональной и антигосударственной, нашлась какая-то сила, которая ухитрилась «собрать разсыпанную Россію». Из хаоса анархических разбродов, классовых и многоплеменных усобиц вырос какой-то «совѣтскій націонализм», «совѣтскій патріотизм». В его предѣлах «интер-

венціоналізм времен Бреста» (когда «варягов звали») претворился в мечту о войнишкѣ для внутреннего потребления:

— Лишь бы оружіе получить, — первым долгом свергли бы окверненную власть, завели бы порядочную, а там посмотрим...

И как-то вдруг пресѣклась почти вѣковая «династія русских первосвященников в церкви анархизма». Исчезли из мирового оборота русскіе «апостолы анархіи». Зато появились в мировом оборотѣ русскіе первоучители Муссолини и Гитлера. И стал замѣтной — говорят, даже опасно, — величиной соблазн новорусскаго, совѣтскаго этатизма.

Россія как бы повторила в огромных масштабах нѣкогда нашумѣвшую исторію «Желтугинской республики». «Республику» эту основали русскіе бѣглецы в Китаѣ. Основали «на началах анархизма». И на коду перестроили-свой исходный, анархическій план в чрезвычайно суровый, отчасти даже свирѣпый этатизм.

Внутри совѣтскаго этатизма, хитро приспособляясь к нему, появились в самых разнообразных отраслях государственной и національной жизни работники-энтузіасты. И рядом с их самоотверженной работой по государственной линіи идет отчаянный саботаж, уничтоженіе капиталных цѣнностей по линіи борьбы против правительства. Мы и раньше умѣли это сочетать: несли государственную службу для пользы отечества и одновременно устраивали что-либо антиправительственное, чтобы, если не свергнуть самодержавіе, то хотя бы причинить ему непріятность, — и тоже для пользы отечеству. Сочетаніе нам знакомое. Но теперь оно чѣм-то примитивнѣе и в чем-то мудренѣе.

Борьба против новаго, неизмѣримо худшаго самодержавія тоже получила иную окраску. На стѣнах чрезвычайек еще кое-гдѣ сохраняются начертанныя матросскою рукой первых лѣт революціи надписи: «Да здравствует анархія». Онѣ никого не беспокоят. Но надписи: «да здравствует свобода» тщательно выскоблены. А если гдѣ-либо появляются вновь, — власть приходит в большое безпокойство. Серьезная непріятность грозит гражданам, если кто-нибудь вблизи их жилья начертает: «требуйте тайнаго голосованія». Но динамитные бакунинскіе лозунги — вродѣ: «дух разрушающій есть дух созидающій» стали

политически невинным мѣнѣем. Власть не считает соблазнительными для подвластных и опасными для себя противогосударственные призывы. Соблазнительными — и опасными для власти — стали реформаторскія государственныя мѣнѣя, которыя прежде презрительно назывались бы «кадетскими», «мирнообновленческими» или даже «октябристскими».

В московских газетах промелькнуло подтвержденіе слухов о комсомольцах, которые, проводя возложенную на них «кампанію раскулачиванія», вдруг бросали свои «билеты», объявляли себя противниками «генеральной линіи» и скрывались. Об одном из таких комсомольцев до меня дошли свѣдѣнія от достовѣрных людей. Этот комсомолец раскулачил два села, потом сбѣжал и ловили его на Камѣ, гдѣ он вел «противоправительственную пропаганду»: «убѣждал, что первѣе всего евангельскія заповѣди, а потом уже директивы партіи». Есть свѣдѣнія — также достовѣрныя — об опасном «контр-революционерѣ», котораго чекисты ловят в новгородских лѣсах и никак не могут поймать. Он тоже был чекистом и даже цалачем. Из особаго озорства — или духоборчества? — разстрѣливал (вопреки инструкціям) не в затылок, а в лоб. Оттого и заболѣл: «стали безпокоить ихніе глаза». Его помѣстили в какую-то лѣчебницу. Он бѣжал оттуда. И превратился в отшельника, в «лѣснаго старца», — постоянно читает 50-ый псалом и другим, знающим, как найти его, проповѣдует:

— Читай «Помилуй мя, Боже»... Каждый день читай...

Этому человѣку теперь около 50 лѣт. Подумать страшно: какую цѣну заплатил он за безавторитетность православнаго духовенства, чтобы столь кружным путем дойти до истины, которую мог узнать в дѣтствѣ от любого законоучителя в любой школѣ. Но дух дышит, идѣже хочет. И есть в его дыханіях своя закономѣрность.

Боги исторіи как будто с нѣкоторым педагогическим умыслом подвергли Россію болѣзням государственнаго развала, чтобы вызвать дѣятельную тоску о благах государственнаго состоянія и основательно излѣчить от соблазнительных, пустосвятных и святобѣсных порывов к безгрѣшной безначальственности. Как будто нарочно посадили на трон православнаго царизма нечаевскій нигилизм, — чтобы оттолкнуть умы и сердца к многовѣ-

ковым авторитетам и традиціям библейской культуры. И поразительная случилась за 14 лѣт перемѣна: цѣлый народ рванулся к абсолютной, неограниченной даже первородным грѣхом свободѣ и пришел к напряженной борьбѣ за свободный базар...

Многим, без сомнѣнія, извѣстен или памятен взгляд старых глубинных благочестивцев на «царскую службу». Солдата эти благочестивцы извиняли («подневольно служит»), но полицейских не прощали:

— За жалованье от отца, матери и от божьяго закона о милосердіи отрекаются...

Теперь, говорят, чуть ли не каждый четвертый человек даже не полицейскій, а «сексот ОГПУ». Прїѣзжающіе за границу совѣтскіе дѣятели (и при том из интеллигенціи) в задушевных бесѣдах говорят откровенно:

— А теперь так: если хочешь что-либо полезное сдѣлать в Россіи, — надо продать душу чорту.

И продают, — как будто даже без всякаго содроганія: «что же, если всё так, — на міру и смерть красна». И не только сами, но и дѣтей своих — тоже без особаго содроганія — «пошлагают в комсомол», хотя и знают:

— «Каждый комсомолец имѣет нагрузку по линіи ГПУ».

Трудно сказать, как бы не только старые благочестивцы, но и мы, свѣтскіе, грѣшные люди, отнеслись к палачу, напримѣр, столыпинских времен, если бы он стал каяться. Это был бы мучительный вопрос. А вот теперь не вопрос:

— Содрогнулся, покаянный псалом стал читать, — и ничего: поддерживают, от начальства укрывают, уважают и даже почитают.

Не будем высокоумно судить почвенных наставников и Бакунина, и Кропоткина, и Толстого. Всѣ мы так или иначе духовному влиянію этих наставников подвергались. Кто из нас не думал, как преодолѣть первородный грѣх власти? Кто не занимался умозрительными построениями идсальнаго государственнаго строя, — чтоб государство походило на тихое святое семейство, в котором граждане рѣзвятся, как дѣти, а власть радуется их рѣзвости, как добрый гувернер, абсолютно лишенный права и возможности кого-либо отшлепать или выдрать за уши? Всѣ мы — больше или меньше — святобѣса тѣшили и похотью

святоподобія были соблазняемы. Но вот теперь новое совѣтское поколѣніе — да и старое, выдержавшее совѣтскій искус, — удивительно склонно предпочитать совѣм иные, диктаторіальные, бонапартистскіе — во всяком случаѣ, суровые — государственные стили. И увѣряют, будто именно таких стилей требует обстановка в Россіи:

— Вы, говорят, доктринеры, а мы — люди практики, реалисты, наш идеал — американизм.

Повидимому, преодолѣли они святобѣса. Кажется, даже чересчур, — с большими перескоками за демаркаціонную черту. Впрочем, заскоки иногда закономѣрны: когда нужно выпрямить искривленную палку, ее перегибают в другую сторону.

Признаки времен

Говорят, отрыв от земли, стремленіе к заоблачно-возвышенным постройкам из воображаемых кирпичей — признак вырожденія. Есть мифы, будто эта болѣзнь бывает эпидемической, — и так случается перед глубокими переворотами. И когда эпидемія отрыва от реальностей поражает верхніе слои націи, — тогда (именно тогда и с этого) начинается разрушительный період революціи. Творческій же період революціи наступает не раньше, чѣм в странѣ могут быть накоплены достаточно мощные кадры не только расположенных к «дѣлячеству», но и сброшенных на землю и крѣпко прикованных к ней всею совокупностью ошибок, грѣхов, даже преступленій. Вот эти обязательные, припечатанные к землѣ реалисты и начинают созиданіе...

Повидимому, кадры именно таких созидателей сейчас и накаплиются. Лично я не склонен впадать по этому поводу в словословіе. И не чувствую восторга перед вѣроятными будущими постройками. Должно быть, построят прежде всего свободный базар. На нем поставят «мильтонов в формѣ для наскожного порядка», не забудут назначить и «агентов в штатском для подскожного наблюденія». Чему осанну-то пѣть? Есть однако у меня и такіа мысли:

— А что если этот совѣм обыкновенный, — вѣроятно, в первое время бѣдный и убогій — базар окажется чище, святѣе, даже праведнѣе, даже просто человѣчнѣе незабвенных петербургских улиц 1917 года?

А. Петрищев.